

КОРОНА ДЛЯ РОМАНОВЫХ.

ИМПЕРАТРИЦА ВИКТОРИЯ - 2

Сергей Свой
Корона для Романовых.
Императрица Виктория - 2

<https://litres.ru/73980884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь цесаревича Александра (будущего - Второго) и бывшей королевы Виктории (ставшей его супругой Викторией Александровной) изменила практически всю политическую обстановку в Европе, да и в мире. Через год после венчания у них родился сын, названный Николаем. Чувства Николая I - неописуемы. Он просто счастливее даже родителей мальчика. А мальчик рос не простым ребенком. Ну, а дальше - всё в произведении))) Приятного чтения!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	55
Глава 4	79
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Сергей Свой

Корона для Романовых.

Императрица Виктория - 2

Название: Корона для Романовых. Императрица Виктория - 2

Автор(-ы): Сергей Свой

Ссылка: <https://author.today/work/596224>

Глава 1

Том второй Глава первая Наследник

Шесть лет изменили Европу.

Но ещё сильнее они изменили Россию.

Петербург по-прежнему сиял над Невой золотом дворцов и холодным северным светом.

По-прежнему гремели парады. По-прежнему склонялись перед императорской властью министры и генералы.

Но теперь в воздухе империи чувствовалось нечто новое.

Уверенность.

Не та тяжёлая, настороженная уверенность прежней николаевской эпохи.

А спокойное ощущение силы государства, которое впервые за долгое время не чувствовало себя окружённым врагами.

Союз с Британией выдержал первые годы.

И это уже казалось почти чудом.

Николай I постарел.

Не слишком заметно для двора. Не слишком заметно для армии.

Но заметно тем, кто видел его каждый день.

Седины стало больше. Взгляд — тяжелее. Паузы в разговоре — длиннее.

И всё же в последние годы император изменился.

Иногда даже пугавшим придворных образом.

Он стал чаще смеяться.

Особенно рядом с детьми наследника.

В огромных залах Зимнего дворца уже давно появились новые хозяева.

Маленькие.

Шумные.

Совершенно не боявшиеся императора всероссийского.

Первенцу, великому князю Николаю Александровичу, было пять лет.

Его брату Александру — три.

А младшей, которую в семье почему-то почти сразу начали называть Лизи, едва исполнился год.

И именно старший мальчик постепенно становился центром всей семьи.

Не потому что был наследником.

Нет.

Потому что ребёнок оказался... странным.

Красивым — как почти все Романовы в детстве.

Спокойным. Очень вежливым. Невероятно внимательным.

Но иногда взрослые рядом с ним начинали испытывать почти необъяснимое чувство тревоги.

Он смотрел слишком внимательно.

Слишком долго.

Словно не ребёнок изучал взрослых — а взрослый чело-

век изучал мир вокруг себя.

Впервые это заметила его мама - Виктория.

Однажды вечером Николай сидел у окна с книгой.

Ему не было ещё и пяти.

Но он совершенно серьёзно листал атлас Европы.

— Ники, что ты там ищешь?

Мальчик поднял глаза.

И неожиданно спросил:

— Мама... а почему Австрия такая большая?

Виктория невольно улыбнулась.

— Потому что так сложилась история.

Ребёнок нахмурился.

Очень по-взрослому.

— Это неудобно.

Она рассмеялась.

— Для кого неудобно?

Мальчик спокойно ответил:

— Для всех.

Тогда она впервые почувствовала странное ощущение.

Словно разговаривала не совсем с ребёнком.

Позже тем же вечером она рассказала об этом Александру.

Александр только усмехнулся.

— Ты просто слишком много времени проводишь среди дипломатов.

— Нет, Александр...

Она говорила уже серьёзно.

— Иногда мне кажется, будто он понимает гораздо больше, чем должен понимать ребёнок.

Наследник престола тогда лишь пожал плечами.

Но вскоре начал замечать это и сам.

Маленький Николай удивительно быстро учился.

Слишком быстро.

Он запоминал разговоры взрослых почти дословно. Иногда задавал вопросы, от которых министры неловко замолкали.

А однажды вообще довёл Нессельроде до состояния, когда старый канцлер несколько минут просто молча смотрел на ребёнка.

Это произошло во время одного из семейных обедов.

Разговор случайно зашёл о Франции.

Нессельроде осторожно заметил:

— Французы сейчас слишком заняты внутренними волнениями.

И вдруг маленький Николай спокойно произнёс:

— Это надолго.

За столом улыбнулись.

— Почему же?

Мальчик чуть подумал.

А потом сказал фразу, после которой наступила тишина:

— Потому что страны, где люди начинают ненавидеть богатых, никогда не успокаиваются быстро.

Нессельроде медленно опустил вилку.

Николай I очень внимательно посмотрел на внука.

И впервые за долгое время ничего не сказал.

Позже вечером император неожиданно приказал привести мальчика к нему в кабинет.

Одного.

Николай Александрович вошёл совершенно спокойно.

Не испуганно. Не смущённо.

Как будто подобные вызовы к императору были самым обычным делом.

Старый государь долго смотрел на внука.

Очень долго.

— Ты любишь карты?

Мальчик кивнул.

— Да, дедушка.

— Военные?

— И их тоже.

Император медленно усмехнулся.

— И что же тебе нравится больше всего?

Ребёнок задумался всего на секунду.

— Смотреть, где государства делают ошибки.

В кабинете стало тихо.

Очень тихо.

Потому что в этот момент старому Николаю Первому вдруг впервые пришла в голову совершенно невозможная мысль: этот мальчик однажды изменит мир.

А далеко за пределами России Европа уже снова начинала тревожно двигаться.

Во Франции росло напряжение. В Германии бурлили студенческие кружки. В Вене нервничали министры.

Старая Европа приближалась к буре.

И только маленький великий князь иногда просыпался по ночам в холодном поту, потому что видел во сне: дым, баррикады, кровь, горящие города и странные стальные машины, которых ещё не существовало в этом мире.

Но пятилетний ребёнок пока никому не мог рассказать, что он помнит другое столетие.

С возрастом Николай I всё сильнее менялся в кругу семьи.

Двор этого почти не замечал.

Для министров он по-прежнему оставался: тяжёлым, суровым, требовательным, почти пугающим государем.

Тем самым Николаем, от одного взгляда которого молодые офицеры вытягивались так, будто проглотили шомпол.

Но дома, в семейных покоях, появлялся совсем другой человек.

И виновниками этого были двое.

Его английская невестка.

И маленький внук.

К Виктории отношение императора изменилось постепенно.

Не сразу.

Даже после свадьбы он ещё долго наблюдал за ней насто-
роженно.

Слишком хорошо Николай понимал: люди редко бывают
такими, какими кажутся.

Но годы шли.

И он видел: она не играет.

Она действительно полюбила Россию.

Не показушно. Не дипломатически.

По-настоящему.

Император замечал всё.

Как Виктория старалась говорить по-русски. Как учила
православные традиции. Как внимательно слушала старых
русских сановников. Как искренне переживала за мужа.

Особенно Николая поразило другое: она никогда не пыта-
лась влиять на Александра через слёзы, обиды или продви-
нуть английские интересы.

Напротив.

Иногда именно Виктория останавливала мужа от излиш-
ней мягкости.

Однажды после одного особенно тяжёлого министерского
совещания Александр раздражённо бросил:

— Иногда мне кажется, что половину чиновников проще
выгнать.

Виктория спокойно ответила:

— Тогда вторая половина начнёт воровать ещё быстрее.

Николай случайно услышал этот разговор.

И впервые за долгое время искренне рассмеялся.

Позже он сказал Орлову:

— Удивительная женщина.

— Ваше величество?

Император медленно застегнул мундир.

— Англичанка, которая понимает Россию лучше многих русских.

Но настоящей слабостью старого государя стал первенец.

Маленький Николай.

Император был без ума от мальчика.

Хотя сам никогда бы в этом не признался.

Во дворце уже привыкли: если великого князя долго не видно, значит он где-то в кабинете деда.

Причём мальчик совершенно не боялся императора.

Что поражало всех.

Другие дети рядом с Николаем Павловичем обычно: молчали, терялись, пугались его голоса.

Но маленький Ники разговаривал с ним спокойно.

Иногда даже спорил.

И это почему-то ужасно нравилось старому государю.

Однажды Николай Первый разбирал карты Балкан вместе с военными.

Рядом тихо сидел внук.

Все давно привыкли, что мальчик любит слушать взрослые разговоры.

Один генерал раздражённо произнёс:

— Турки никогда добровольно не уйдут из Европы.

И вдруг детский голос спокойно заметил:

— Тогда нужно сделать так, чтобы им стало слишком дорого оставаться.

В комнате повисла тишина.

Генералы переглянулись.

Император медленно посмотрел на внука.

— И как же?

Мальчик чуть пожал плечами.

— Помочь тем, кто ненавидит турок сильнее нас.

Николай Первый неожиданно очень тихо хмыкнул.

А потом сказал:

— Продолжайте совещание.

Но после этого ещё долго молчал.

Позже вечером Орлов осторожно заметил:

— Государь... он пугающе умён.

Император долго смотрел в окно.

— Да.

— Вас это тревожит?

Николай медленно ответил:

— Меня тревожит другое.

— Что именно?

Старый государь очень тихо произнёс:

— Иногда мне кажется, будто он вспоминает, а не учится.

Он даже сам не понимал, почему ему пришла в голову эта

мысль.

Но ощущение становилось всё сильнее.

А между тем семья наследника действительно была счастлива.

Редко. Почти невозможным образом — счастлива.

По вечерам в покоях Александра часто звучал смех детей.

Маленький Александр носился по комнатам, вечно что-то ломая.

Лизи обожала сидеть у отца на руках, цепляясь за золотые пуговицы мундира.

А старший Ники обычно наблюдал за всеми чуть со стороны.

Слишком внимательно. Слишком спокойно.

Иногда Виктория ловила этот взгляд — и у неё снова появлялось странное чувство.

Словно её сын временами знает о мире что-то, чего не должен знать никто.

Однажды ночью она нашла его не спящим.

Мальчик сидел у окна и смотрел на снег.

— Ники... почему ты не спишь?

Он долго молчал.

А потом тихо спросил:

— Мама... а люди всегда делают одни и те же ошибки?

Виктория растерялась.

— Почему ты спрашиваешь?

Мальчик пожал плечами.

И очень тихо ответил:

— Потому что иногда мне кажется, что я уже видел, как всё это заканчивается.

Весна 1847 года пришла в Петербург поздно.

Нева ещё несла тяжёлые льдины. По утрам над водой стоял холодный туман. Но воздух уже менялся.

Империя медленно выходила из зимы.

И вместе с ней менялась Европа.

Из Вены приходили всё более тревожные донесения. Во Франции снова начинали говорить о республике. В германских землях росло возбуждение студентов, профессоров и газетчиков.

Старый порядок начинал скрипеть.

Пока ещё тихо.

Но уже тревожно.

Канцлер империи Нессельроде почти ежедневно приносил государю тревожные депеши.

Однажды вечером в кабинете собрались:

сам император; Нессельроде; Орлов; наследник Александр.

На большом столе лежала карта Европы.

Николай Первый слушал молча.

Нессельроде говорил осторожно:

— В Париже снова усиливаются радикалы. В германских университетах — брожение. Австрийцы нервничают всё сильнее.

Император холодно усмехнулся.

— Австрийцы нервничают всегда.

Но канцлер не улыбнулся.

— На этот раз серьёзнее, государь.

Он сделал паузу.

— Очень похоже на начало большой волны. Шторма.

Тут неожиданно раздался спокойный детский голос:

— Они опоздали.

Все обернулись.

Маленький Николай сидел у окна с книгой, которую, как оказалось, давно перестал читать.

Николай Первый чуть прищурился.

— Кто опоздал?

Мальчик ответил сразу:

— Монархи Европы.

В кабинете стало тихо.

Александр уже хотел мягко остановить сына, но император поднял руку.

— Продолжай.

Ники чуть подумал.

— Когда люди начинают ненавидеть свою жизнь, армия уже не спасает страну.

Орлов медленно переглянулся с Нессельроде.

Слишком взрослая мысль.

Слишком точная.

Император внимательно смотрел на внука.

— И что же спасает?

Мальчик пожал плечами.

— Иногда — ничего.

В комнате повисла тяжёлая пауза.

Даже Александр почувствовал странный холод.

Потом Николай Первый неожиданно произнёс:

— Довольно.

Но сказал это без раздражения.

Скорее задумчиво.

Когда мальчик вышел, Нессельроде осторожно выдохнул:

— Государь... он пугает меня.

Император долго молчал.

А потом тихо сказал:

— Меня тоже.

Позднее вечером Александр нашёл отца одного.

Тот стоял у карты Европы.

Смотрел на Австрию.

Очень долго.

— Вы действительно считаете, что всё может дойти до революций?

Николай медленно ответил:

— Европа слишком долго жила на старом страхе.

Он провёл пальцем по карте.

— А теперь люди перестают бояться.

Александр помолчал.

Потом осторожно сказал:

— Ники сегодня говорил странные вещи.

Император чуть усмехнулся.

— Ваш сын говорит странные вещи с трёх лет.

Но затем выражение его лица снова стало серьёзным.

— И самое неприятное... он часто оказывается прав.

Тем временем сам маленький великий князь сидел в своих комнатах у камина.

Перед ним лежал детский деревянный набор солдатиков.

Русские. Французы. Австрийцы. Пруссаки.

Но играл он не как ребёнок.

Он расставлял армии по границам. Передвигал фигурки.

Иногда надолго замирал.

Словно пытался вспомнить что-то очень важное.

Память приходила к нему странно.

Не словами.

Не фактами.

Обрывками.

Шум толпы. Выстрелы. Красные флаги. Дым. Какие-то невероятные города из стекла и стали. Грохот чудовищных машин.

И ещё — ощущение огромной страны, которую он когда-то любил до боли.

Но сейчас ему было всего пять лет.

И он не мог объяснить никому, почему иногда просыпается с ощущением, будто уже прожил целую жизнь.

В дверь осторожно вошла Виктория.

Она сразу заметила: сын снова слишком серьёзен.

— Ники... о чём думаешь?

Мальчик поднял глаза.

Очень тёмные. Очень внимательные.

И неожиданно спросил:

— Мама... а если государство можно спасти, но для этого придётся быть жестоким — это плохо?

Виктория застыла.

На секунду ей показалось, что перед ней сидит взрослый человек.

Усталый взрослый человек.

Она медленно подошла к сыну.

Села рядом.

— Почему ты задаёшь такие вопросы?

Мальчик долго молчал.

Очень долго для ребёнка.

А потом тихо ответил:

— Потому что иногда мне кажется, что впереди очень много крови.

В ту ночь Виктория долго не могла уснуть.

Слова сына не выходили из головы.

«Впереди очень много крови».

Для пятилетнего ребёнка это звучало неправильно.

Пугающе неправильно.

Рядом уже спал Александр, утомлённый бесконечными докладами и государственными делами.

Но сама Виктория лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в ночную тишину дворца.

И впервые за многие годы почувствовала тот самый старый страх.

Страх перед будущим.

На следующее утро жизнь Зимнего дворца продолжилась как обычно.

Империи вообще умеют делать вид, что всё спокойно.

Были доклады. Подписания бумаг. Военные смотры. Придворные визиты.

Маленький Александр снова устроил погоню за дворцовым псом. Лизи требовала внимания сразу всех взрослых. Фрейлины шептались о новых парижских модах.

И только старший сын наследника опять выглядел слишком задумчивым.

Во время завтрака он вдруг спросил у деда:

— А почему все боятся революций?

За столом сразу стало тише.

Николай Первый отложил чашку.

— Потому что после них люди умирают.

Мальчик спокойно кивнул.

— Да. Но ведь иногда государства умирают без них.

Несколько секунд император молчал.

Потом медленно произнёс:

— Кто тебе говорит такие вещи?

Ники посмотрел ему прямо в глаза.

— Никто.

И после короткой паузы добавил:

— Я просто думаю.

Император неожиданно усмехнулся.

Тяжело. Почти мрачно.

— Вот это меня и беспокоит.

Позже, уже в кабинете, Николай Первый долго ходил от окна к столу.

Орлов молча ждал.

Наконец император остановился.

— Вы замечали, что мальчик почти никогда не говорит как ребёнок?

Орлов осторожно ответил:

— Да, государь.

Николай нахмурился.

— Иногда мне кажется, будто он смотрит на нас... с жалостью.

Эти слова повисли в воздухе.

Потому что Орлов и сам чувствовал нечто подобное.

А тем временем сам маленький великий князь сидел с гувернёром над картой Европы.

Учитель показывал границы германских государств.

Бавария. Саксония. Ганновер. Пруссия. Австрийские владения.

— Видите, ваше высочество, Европа держится на равновесии.

Ники неожиданно тихо произнёс:

— Нет.

Гувернёр удивился.

— Что «нет»?

Мальчик провёл пальцем по германским землям.

— Она держится на страхе, что всё развалится.

Гувернёр неловко кашлянул.

— Это слишком сложные рассуждения для вашего возраста.

Ники чуть пожал плечами.

— Для Европы тоже.

В тот же день произошло ещё одно событие, которое запомнилось многим.

Во дворец прибыл прусский посланник.

Обычный дипломатический визит.

Ничего особенного.

Но во время краткого семейного приёма дипломат шутовливо спросил мальчика:

— Ну а вы, великий князь, кем хотите стать? Полководцем?

Ники посмотрел на него спокойно.

— Нет.

— Тогда кем же?

Мальчик ответил совершенно серьёзно:

— Человеком, который не допустит большой войны в Европе.

Пруссак улыбнулся.

Остальные — нет.

Потому что сказано это было не как детская фантазия.
А как обещание.

Позднее вечером Виктория снова говорила об этом с мужем.

— Ты правда ничего странного не замечаешь?

Александр задумался.

— Замечаю.

— И тебя это не пугает?

Он медленно посмотрел в сторону детских комнат.

— Иногда — очень.

Виктория тихо спросила:

— А иногда?

Наследник престола долго молчал.

Потом неожиданно улыбнулся.

— А иногда мне кажется, что Господь зачем-то дал России необычного ребёнка именно сейчас.

За окнами Зимнего дворца сгушался вечер.

Европа медленно приближалась к революциям.

Старые империи ещё не знали, что их век подходит к концу.

А в центре Петербурга маленький мальчик, помнивший будущее, начинал понимать: история уже меняется быстрее, чем он ожидал.

Через несколько дней Николай I неожиданно приказал:

— Привести ко мне великого князя Николая Александровича.

вича. Одного.

Приказ удивил даже двор.

Император редко беседовал с детьми наедине. Тем более так официально.

Мальчика привели в рабочий кабинет государя ближе к вечеру.

За окнами уже темнело. На столе горели свечи. Повсюду лежали карты, депеши, военные бумаги.

Империя работала даже ночью.

Ники вошёл спокойно.

Слишком спокойно для пятилетнего ребёнка перед императором всероссийским.

Николай Первый долго не предлагал ему сесть.

Просто смотрел.

Тяжёлым, очень внимательным взглядом.

Наконец произнёс:

— Подойди.

Мальчик подошёл к столу.

Император медленно указал на карту Европы.

— Ты любишь рассуждать о государствах.

Не вопрос.

Констатация.

Ники кивнул.

— Тогда скажи мне: что сейчас происходит в Европе?

Обычный ребёнок растерялся бы.

Но мальчик лишь ненадолго задумался.

— Старый порядок начинает ломаться.

Император чуть прищурился.

— И почему?

Ники посмотрел на карту.

— Потому что слишком многие живут плохо, а слишком немногие хотят это замечать.

Николай Первый медленно сел.

— Ты понимаешь, что говоришь опасные вещи?

Мальчик спокойно ответил:

— Опасные вещи становятся ещё опаснее, если их не замечать.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина.

Слышно было только потрескивание свечей.

Император неожиданно спросил:

— Ты боишься меня?

Ники поднял глаза.

И впервые за весь разговор в них появилось что-то странное.

Почти грустное.

— Нет.

— Почему?

Мальчик ответил очень тихо:

— Потому что вы пытаетесь удержать мир, который уже начинает уходить.

Николай Первый медленно выпрямился.

Эти слова ударили неожиданно сильно.

— Кто научил тебя так говорить?

И тут впервые ребёнок замолчал надолго.

Очень надолго.

Император почувствовал:сейчас происходит что-то важное.

Очень важное.

Наконец мальчик тихо произнёс:

— Иногда... я просто знаю вещи.

Николай нахмурился.

— Что значит «знаю»?

Ники медленно подбирал слова.

Словно сам не понимал, как объяснить невозможное.

— Как будто... я помню то, чего ещё не было.

В кабинете стало холодно.

Или так только показалось императору.

Несколько секунд он смотрел на внука, не отрываясь.

Потом резко поднялся.

Подошёл к окну.

За стеклом темнел Петербург.

Огромный. Тяжёлый. Имперский.

Наконец Николай Первый медленно спросил:

— И что же ты помнишь?

Мальчик опустил взгляд.

— Не всё.

— Но что-то помнишь?

Тихий кивок.

Император долго молчал.

Очень долго.

Потом неожиданно подошёл обратно к столу.

И впервые за много лет сел не как государь.

А как старый, усталый человек.

— Скажи мне одну вещь.

Ники поднял глаза.

— Россия погибнет?

Вопрос прозвучал почти шёпотом.

Мальчик побледнел.

Потому что впервые услышал в голосе деда настоящий страх.

Он долго молчал.

Очень долго.

А потом тихо ответил:

— Если ничего не менять — однажды да.

Император закрыл глаза.

Лишь на секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы мальчик понял: старый государь услышал его всерьёз.

Наконец Николай Первый снова открыл глаза.

И спросил уже совсем другим голосом:

— А если менять?

И тут маленький великий князь впервые за весь разговор посмотрел на него не как ребёнок.

А как человек, который слишком много видел.

— Тогда у России будет шанс.

Глава 2

Глава вторая Тени будущего

После разговора с внуком Николай I изменился.

Не внешне.

Двор по-прежнему видел: сурового государя, железную дисциплину, холодную уверенность.

Но внутри что-то произошло.

Теперь император всё чаще ловил себя на мысли, что начинает прислушиваться к словам пятилетнего ребёнка.

И это пугало его сильнее всего.

Потому что Николай Павлович был человеком, не верившим ни в мистику, ни в пророчества, ни в салонный бред о судьбе и духах.

Он верил:

в армию, порядок, силу государства, и волю монарха.

Но слова мальчика не выходили из головы.

«Я помню то, чего ещё не было».

В ту ночь император почти не спал.

А утром приказал никому не рассказывать о состоявшемся разговоре.

Даже Александру.

Особенно Александру.

Лишь Орлову он коротко сказал:

— За великим князем наблюдать внимательно. Но неза-

метно. И без глупостей.

Орлов осторожно кивнул.

— Вы думаете...

Император резко оборвал:

— Я пока ничего не думаю.

Но затем добавил уже тише:

— И именно это мне не нравится.

Тем временем жизнь семьи наследника продолжалась почти счастливо.

Почти — потому что в последние месяцы Виктория всё чаще замечала: старший сын временами становится слишком задумчивым.

Слишком взрослым.

Иногда он мог часами быть обычным ребёнком:

играть с братом, смеяться, бегать по дворцовым галереям, строить крепости из книг и подушек.

А потом внезапно замолкал.

И смотрел куда-то очень далеко.

Однажды она нашла его в библиотеке.

Ники стоял у огромного глобуса.

И медленно крутил его рукой.

— Что ищешь?

Мальчик тихо ответил:

— Места, где потом будет хуже всего.

Виктория почувствовала холод.

— Что значит «потом»?

Ники посмотрел на неё.

И на секунду ей снова стало страшно от этого взгляда.

Не детского.

Слишком понимающего.

— Иногда мне снятся города, которые ещё не построили.

Она осторожно опустилась рядом.

— Какие города?

Мальчик долго подбирал слова.

— Очень высокие. Очень шумные. И люди там всё время куда-то спешат. Как будто боятся остановиться.

Виктория попыталась улыбнуться.

— Наверное, у тебя просто богатое воображение.

Но Ники тихо покачал головой.

— Нет. Это воспоминания.

Этой ночью Виктория впервые всерьёз испугалась за сына.

А далеко от семейных покоев, в государственных кабинетах, Европа уже начинала входить в бурю.

Из Парижа пришли новые сведения о волнениях. В германских землях росли тайные общества. В Вене канцлер Меттерних требовал от всех монархов решительности.

Особенно — от России.

На одном из совещаний Нессельроде осторожно заметил:

— Австрия рассчитывает, что в случае серьёзных беспорядков мы поддержим её.

Император долго молчал.

Очень долго.

Потом неожиданно спросил:

— А что думает Англия?

Канцлер чуть удивился.

Раньше Николай редко задавал вопрос именно так.

— Палмерстон полагает, что Австрия слишком закостенела.

Император усмехнулся.

— Удивительно честно для англичан.

Но затем лицо его снова стало тяжёлым.

Он вспомнил слова внука:

«Австрия слишком большая. Это неудобно для всех».

И впервые в жизни Николай Первый позволил себе подумывать невозможное:

А что, если Австрию действительно не стоит спасать?

Эта мысль была почти кощунственной.

Вся политика России после Наполеона строилась на сохранении европейского порядка.

Но теперь...

Теперь сам этот порядок начинал казаться треснувшим.

Позже вечером император неожиданно приказал вновь привести к нему внука.

На этот раз без официальности.

Без придворных.

Когда Ники вошёл, государь сидел у камина.

Без мундира. В простом домашнем сюртуке.

— Подойди.

Мальчик подошёл.

Несколько секунд Николай Первый просто смотрел на огонь.

Потом тихо спросил:

— Ты говорил, что впереди кровь.

Ники молча кивнул.

— Это можно остановить?

Очень долгий недетский взгляд.

— Полностью — нет.

Император медленно сжал пальцы.

— А уменьшить?

Мальчик неожиданно ответил сразу:

— Не спасайте тех, кто уже обречён.

Николай резко поднял голову.

— Ты про Австрию?

Ники замолчал.

Но этого молчания оказалось достаточно.

В камине тихо треснули дрова.

За окнами темнел Петербург.

А старый русский император впервые в жизни начинал всерьёз задумываться: не рухнет ли сама эпоха, которую он поклялся защищать.

Следующие недели стали для Николая I странными.

Очень странными.

Он продолжал жить как прежде:
принимал министров, проверял полки, подписывал приказы, спорил с генералами.

Империя должна была видеть прежнего государя.
Непоколебимого.

Но внутри Николая Павловича шла тяжёлая работа мысли.

Возможно — самая тяжёлая за всю его жизнь.

Потому что впервые он начал сомневаться не в людях.

А в самой системе, которую считал основой Европы.

И самое невероятное — толкнул его к этому пятилетний ребёнок.

Тем временем сам Ники постепенно начинал понимать: он сказал деду слишком много.

Гораздо больше, чем собирался.

Память приходила всё сильнее.

Иногда — внезапными вспышками.

Он видел: толпы на улицах; красные знамёна; железные дороги через всю Россию; огромные заводы; страшную войну где-то в будущем; и странный чёрно-жёлто-белый флаг,

который люди несли с яростью и надеждой одновременно.

Но хуже всего были ощущения.

Ощущение гибели огромной страны.

Холода. Голода. Растерянности.

И чудовищной усталости людей, которые слишком долго пытались удержать рушащийся мир.

Он пока не понимал всего.

Но уже знал главное:

Россия в его памяти пережила страшное.

Очень страшное.

И потому иногда смотрел на своих родителей почти с болью.

Особенно на мать.

Виктория всё чаще замечала этот взгляд.

И он пугал её.

Однажды вечером она застала сына в детской у окна.

Шёл дождь. Петербург тонул в сером весеннем тумане.

— Ники, ты опять грустишь?

Мальчик тихо ответил:

— Нет.

Она села рядом.

— Тогда о чём думаешь?

Очень долгий детский вздох.

— О том, как сделать так, чтобы вы все жили дольше.

Виктория почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Что ты имеешь в виду?

Ники словно испугался собственных слов.

— Ничего.

Но она уже понимала: это не «ничего».

Позже тем же вечером она всё-таки заговорила с мужем.

Александр слушал молча.

Очень внимательно.

— Александр... ты ведь тоже замечаешь?

Он медленно кивнул.

— Да.

— И?

Наследник престола долго не отвечал.

Потом тихо сказал:

— Иногда мне кажется, что наш сын чего-то боится за нас.

Виктория опустила глаза.

— Мне тоже.

На следующий день произошло событие, которое окончательно заставило Александра насторожиться.

Во время семейного обеда обсуждали очередные беспорядки во Франции.

Кто-то из придворных раздражённо заметил:

— Французы неисправимы. Им всегда нужна революция.

И тут Ники неожиданно произнёс:

— Революции начинаются не потому, что люди любят разрушать.

Он говорил спокойно.

Почти холодно.

— А потому что слишком долго их никто не хочет слушать.

За столом стало тихо.

Император медленно посмотрел на внука.

Потом на сына.

И впервые Александр увидел во взгляде отца то, чего

раньше не замечал никогда.

Тревогу.

Настоящую тревогу.

Позднее вечером Николай Первый вновь вызвал Орлова.

— Вы помните, что я говорил о наблюдении за мальчиком?

— Да, государь.

Император долго молчал.

— Отменить.

Орлов удивился.

— Ваше величество?

Николай тяжело опёрся рукой о стол.

— Если Господь действительно зачем-то послал России необычного наследника — я не хочу, чтобы вокруг него ползали идиоты из Третьего отделения.

Орлов осторожно спросил:

— Вы верите ему?

Очень долгий взгляд.

И неожиданно честный ответ:

— Я начинаю бояться, что верю.

Лето 1847 года выдалось необычайно жарким.

Петербург задыхался.

Даже Нева казалась медленной и тяжёлой. По вечерам над городом висел неподвижный золотистый воздух.

И вместе с этой жарой в Европу словно приходило напряжение.

Из Парижа шли всё более тревожные известия. В германских государствах открыто говорили о конституциях. В Вене начинали паниковать.

Но особенно нервничал Меттерних.

Австрийский канцлер писал в Петербург почти отчаянные письма.

О порядке. О долге монархов. О необходимости «удержать Европу от хаоса».

Раньше Николай I ответил бы немедленно и жёстко.

Но теперь он медлил.

Нессельроде замечал это всё отчётливее.

Однажды канцлер всё же решился осторожно спросить:

— Ваше величество... Австрия ждёт от нас ясной позиции.

Император стоял у окна.

— А вы сами что думаете, Карл Васильевич?

Вопрос удивил Нессельроде.

— Россия всегда поддерживала европейский порядок.

Николай чуть усмехнулся.

— Да. И посмотрите, во что этот порядок превратился.

Канцлер замолчал.

Потому что никогда раньше не слышал от государя подобных слов.

Тем временем в семейных покоях жизнь текла совсем иначе.

Там всё ещё были:

смех детей,разбросанные игрушки,вечерние чтения,музыка Виктории,и редкие часы настоящего спокойствия.

Иногда казалось,будто политика и будущие катастрофы существуют где-то очень далеко.

Но только не для Ники.

Память продолжала просыпаться.

Теперь чаще.

Иногда слишком резко.

Однажды ночью он закричал во сне так, что прибежали сразу и родители, и слуги.

Мальчик сидел на постели, бледный, с широко раскрытыми глазами.

Виктория прижала его к себе.

— Ники... что случилось?

Он дрожал.

По-настоящему.

И впервые сказал вслух то, что раньше скрывал даже от самого себя:

— Они стреляли по своим...

В комнате стало тихо.

Александр осторожно спросил:

— Кто стрелял?

Мальчик тяжело дышал.

— Солдаты... в людей...

Он зажмурился.

— И все кричали, что спасают Россию.

Никто не понимал, о чём он говорит.

Но страх ребёнка был настоящим.

Страшно настоящим.

После этой ночи Виктория уже не могла успокаивать себя рассказами о «богатом воображении».

На следующий день она сама пришла к Николаю Первому.

Что бывало редко.

Император внимательно выслушал её.

Не перебивая.

Когда она закончила, в кабинете повисло долгое молчание.

Наконец государь тихо спросил:

— Он говорил ещё что-нибудь?

Виктория поколебавшись, кивнула.

— Иногда он говорит так, будто видел будущее России.

Император медленно закрыл глаза.

Всего на секунду.

Потом подошёл к столу.

Долго перебирал бумаги, словно собираясь с мыслями.

И неожиданно произнёс:

— Виктория... вы любите Россию?

Вопрос прозвучал странно.

Почти неожиданно.

Она ответила сразу:

— Да.

Николай внимательно посмотрел на невестку.

— Тогда запомните одну вещь.

Он говорил очень тихо.

— Если ваш сын действительно знает хоть часть будущего...это может стать самым страшным даром, который когда-либо получала династия.

Виктория побледнела.

— Вы верите ему?

Император долго молчал.

Очень долго.

Потом устало сел в кресло.

Впервые за много лет — как старик.

— Я не знаю, во что верить.

Он тяжело посмотрел на окно.

— Но я слишком долго управлял людьми, чтобы не понимать: обычные дети так не говорят.

Тем временем сам Ники в этот момент сидел у себя на полу среди карт Европы.

Перед ним лежали:

Австрия, германские государства, Османская империя, Франция.

Он медленно передвигал маленькие деревянные флажки.

И пытался вспомнить.

Что именно станет первым?

Париж?

Вена?

Берлин?

История в памяти была уже не совсем такой.

Что-то менялось.

Слишком многое менялось.

И это начинало пугать его сильнее всего.

Потому что маленький великий князь постепенно понимал страшную вещь: будущее, которое он помнил, начинало исчезать.

Несколько дней спустя произошло событие, которое ещё сильнее встревожило императорскую семью.

Во дворце проходил обычный дипломатический вечер.

Ничего необычного:

иностранные послы, министры, генералы, музыка, разговоры о Европе.

Петербургская знать жила так десятилетиями.

Дети ненадолго появились в зале вместе с родителями — как того требовал этикет.

Маленький Александр почти сразу попытался утащить со стола пирожные. Лизи уснула на руках у няни.

И только старший Ники спокойно наблюдал за взрослыми.

В какой-то момент к нему подошёл австрийский посланник.

Пожилой дипломат с усталым лицом.

Он добродушно улыбнулся ребёнку:

— Ваше высочество, надеюсь, вы любите Австрию? Она ведь ваш старый друг.

Ники посмотрел на него неожиданно внимательно.

Слишком внимательно.

А потом тихо произнёс:

— Скоро вам будет не до дружбы.

Посол растерянно моргнул.

— Что вы имеете в виду?

Мальчик ответил почти шёпотом:

— Когда империи начинают бояться собственного народа

— это уже конец.

Несколько человек рядом невольно замолчали.

Австриец попытался рассмеяться.

Натянуто.

— Опасные мысли для такого юного возраста.

Ники спокойно ответил:

— Опаснее будет следующей зимой.

Теперь молчали уже все вокруг.

В дальнем конце зала Николай I очень медленно повернул голову.

Он услышал последние слова.

И взгляд его стал тяжёлым.

Позже вечером, когда гости начали разъезжаться, император неожиданно приказал:

— Ники останется.

В огромном полутёмном кабинете снова остались только двое.

Дед и внук.

Николай Первый долго молчал.

Потом тихо спросил:

— Почему ты сказал это австрийцу?

Мальчик стоял спокойно.

— Потому что это правда.

— Какая именно?

Ники опустил глаза.

— Их империя уже трещит.

Император медленно подошёл ближе.

— Ты видел это?

Очень долгая пауза.

Потом мальчик едва заметно кивнул.

Николай почувствовал, как внутри становится холодно.

— Расскажи.

Ники долго молчал, словно боялся собственных воспоминаний.

А потом заговорил.

Тихо. Очень медленно.

— Люди на улицах. Баррикады. Стрельба. Толпы.

Он закрыл глаза.

— И старые империи, которые уже никто не хочет спасти.

Император внимательно слушал.

Не перебивая.

— Австрия погибнет?

Мальчик открыл глаза.

— Не сразу.

— Но погибнет?

Ники тихо ответил:

— В моём времени — да.

Эти слова прозвучали почти невозможным образом.

«В моём времени».

Николай Первый медленно отвернулся.

Подошёл к карте Европы.

— А Россия?

Вопрос прозвучал глухо.

Почти тяжело.

Ники побледнел.

— Россия... будет жить долго.

Император медленно выдохнул.

Но мальчик продолжил:

— Только очень страшно.

Тишина в кабинете стала почти невыносимой.

Наконец государь тихо спросил:

— И что же её спасёт?

Мальчик посмотрел на деда.

Очень серьёзно.

Не как ребёнок.

— Если власть сама начнёт менять страну — у России будет шанс.

Император долго не отвечал.

Потом неожиданно спросил совсем другое:

— А кто ты?

Ники застыл.

Впервые за всё время.

Потому что этот вопрос он сам боялся задавать себе.

Несколько секунд мальчик просто молчал.

Потом очень тихо произнёс:

— Я не знаю.

И это была правда.

После этого разговора Николай I несколько дней почти никого не принимал.

Для двора это объяснили усталостью.

Для министров — государственными делами.

Но на самом деле старый император впервые за многие годы оказался в положении, которого не понимал.

Он сталкивался:

с заговорами, войнами, мятежами, убийствами, революционерами, предательством.

Но никогда — с невозможным.

А главное — он не мог отделаться от ощущения, что мальчик не лжёт.

Николай Павлович слишком хорошо знал людей.

Ложь он чувствовал мгновенно.

Особенно у детей.

Но в глазах внука не было ни фантазии, ни игры, ни желания впечатлить взрослых.

Там было другое.

Память.

Именно это пугало больше всего.

Однажды поздним вечером император неожиданно сам пришёл в покои наследника.

Без свиты. Без предупреждения.

Что случилось крайне редко.

Александр и Виктория заметно удивились.

— Отец?

Николай махнул рукой.

— Не официально.

Он посмотрел на детей.

Маленький Александр уже спал, уткнувшись в подушку.

Лизи мирно сопела на руках няни.

А Ники сидел у камина с книгой.

Как всегда — слишком серьёзный.

Император долго молчал, глядя на семью сына.

И вдруг неожиданно тихо сказал:

— Берегите это.

Александр нахмурился.

— Что именно?

Николай медленно обвёл взглядом комнату.

— Всё это.

Виктория внимательно посмотрела на свёкра.

Она впервые увидела его настолько... уставшим.

Император подошёл к камину.

Посмотрел на старшего внука.

— Ники. Пройдёмся.

Они вышли в длинную полутёмную галерею дворца.

За окнами шумел дождь.

Некоторое время шли молча.

Потом Николай Первый неожиданно спросил:

— Ты помнишь, как умер я?

Мальчик вздрогнул.

Это был первый настолько прямой вопрос.

Ники медленно поднял глаза.

— Да.

Император остановился.

Но голос его остался спокойным.

— От чего?

Мальчик долго молчал.

Слишком долго.

— Вы очень устали.

Николай чуть усмехнулся.

— Это я и без будущего знаю.

Но затем снова стал серьёзным.

— Война?

Тихий кивок.

Император отвернулся к окну.

Дождевые капли медленно стекали по стеклу.

— Крым?

Ники замер.

Потом очень тихо ответил:

— Да.

Впервые это слово прозвучало между ними.

Николай долго смотрел в темноту за окном.

А потом неожиданно спокойно произнёс:

— Значит, войны не будет.

Мальчик резко поднял голову.

— Вы уверены?

Император медленно повернулся к нему.

И в глазах старого государя вдруг снова появилась та самая тяжёлая николаевская воля, которой боялась Европа.

— Если я знаю, где Россия сломалась — я не поведу её туда второй раз.

Ники смотрел на деда почти с потрясением.

Потому что впервые начал понимать:

история меняется не только из-за него.

Николай Первый тоже начинал меняться.

Они снова пошли по галерее.

Через некоторое время император неожиданно спросил:

— В твоём времени... Россия и Англия были врагами?

Мальчик горько усмехнулся.

Совсем не по-детски.

— Иногда врагами. Иногда почти союзниками. Но всегда — с подозрением.

— А сейчас?

Ники посмотрел в окно на дождливый Петербург.

— Сейчас у нас есть шанс всё изменить.

Император долго молчал.

Потом очень тихо сказал:

— Тогда, возможно, Господь действительно зачем-то послал тебя именно в нашу семью.

И впервые за всё время разговора осторожно положил тяжёлую руку на плечо мальчика.

Не император.

Просто дед.

На следующий день Николай I созвал узкое совещание.

Только:

Нессельроде, Орлов, наследник Александр.

Даже министров не пригласили.

В кабинете было душно.

На столе лежали депеши из:

Парижа, Вены, Берлина, Лондона.

Европа начинала тревожно шуметь.

Император молча выслушал доклады.

Потом неожиданно спросил:

— Если в Австрии начнутся серьёзные беспорядки — сможет ли она удержаться сама?

Вопрос застал всех врасплох.

Нессельроде осторожно ответил:

— При достаточной жёсткости — возможно.

Николай холодно посмотрел на канцлера.

— Я спросил: сама.

В кабинете стало тихо.

Орлов медленно произнёс:

— Без внешней помощи — маловероятно.

Император коротко кивнул.

Словно услышал подтверждение собственным мыслям.

Александр внимательно смотрел на отца.

И всё сильнее чувствовал: что-то происходит.

Что-то очень серьёзное.

Наконец наследник осторожно спросил:

— Вы рассматриваете возможность не вмешиваться?

Нессельроде едва заметно вздрогнул.

Ещё год назад подобная мысль показалась бы невозможной.

Но Николай ответил спокойно:

— Я рассматриваю возможность не спасать то, что уже обречено.

После совещания Александр догнал отца в галерее.

— Что изменилось?

Император остановился.

Долго молчал.

Потом неожиданно спросил:

— Ты счастлив?

Александр растерялся.

— Что?

Николай медленно посмотрел на сына.

— С Викторией. С детьми. С вашей жизнью.

Наследник тихо улыбнулся.

— Да.

Очень.

Император кивнул.

— Хорошо.

И вдруг добавил:

— Тогда запомни одну вещь. Иногда государь обязан менять страну раньше, чем страна начнёт ломать себя сама.

Александр нахмурился.

— Это слова не только об Австрии.

Николай тяжело усмехнулся.

— Наконец-то ты начал понимать.

Тем временем Ники в этот день впервые остался один в библиотеке деда.

Император разрешил.

Что само по себе уже поражало придворных.

Мальчик медленно ходил вдоль полок.

История. Военное дело. Государственное управление. Дипломатия.

Он брал книги, листал, останавливался.

Иногда лицо его становилось странным.

Словно он узнавал давно знакомые вещи.

Наконец он достал старый атлас Российской империи.

Очень долго смотрел на:

Польшу, Кавказ, Среднюю Азию, Балканы.

А потом тихо прошептал:

— Всё ещё можно успеть...

— Что именно?

Ники вздрогнул.

В дверях стоял Николай Первый.

Мальчик опустил глаза.

— Спасти Россию от некоторых ошибок.

Император медленно вошёл в библиотеку.

— Например?

Ники долго молчал.

Потом осторожно произнёс:

— Не держать людей слишком долго в прошлом.

Николай внимательно смотрел на внука.

— Ты про крепостное право?

Мальчик медленно кивнул.

И впервые в жизни старый император не рассердился на подобные слова.

Не назвал их либеральной чепухой.

Потому что за последние недели в нём самом уже начала расти страшная мысль:

а что, если Россия действительно идёт к катастрофе, которую ещё можно предотвратить?

Император подошёл к окну.

За Невой медленно садилось солнце.

— Если отменить крепостное право слишком резко — страна может взорваться.

Ники тихо ответил:

— А если слишком поздно — тоже.

Николай Первый долго смотрел на закат.

Потом очень тихо сказал:

— Господи... да откуда же ты такой взялся?..

Глава 3

Глава третья Первые трещины

Осень 1847 года Европа встретила тревожно.

Слишком тревожно даже для людей, привыкших к политическим бурям.

Из Франции приходили известия о новых беспорядках. В германских государствах множились тайные общества. В Венгрии всё громче звучали речи о самостоятельности. В Милане и Венеции уже открыто ненавидели Вену.

Старая Европа начинала трещать.

И самое страшное — многие это чувствовали.

Но почти никто не понимал, что делать.

В Петербурге атмосфера тоже менялась.

Внешне всё оставалось прежним: парады, балы, заседания Государственного совета, бесконечная дворцовая церемониальность.

Но за тяжёлыми дверями кабинетов шли совсем другие разговоры.

Николай I всё чаще собирал узкий круг доверенных лиц.

Теперь среди обсуждаемых тем звучали вещи, ещё недавно казавшиеся невозможными:

ограничение влияния Австрии; усиление русского присутствия на Балканах; постепенное сближение с Британией против французского влияния; осторожное давление на

Османскую империю; и даже вопрос о будущем германских земель.

Нессельроде временами смотрел на государя почти с изумлением.

Однажды канцлер осторожно заметил:

— Ваше величество... раньше Россия всегда поддерживала целостность Австрии.

Император медленно поднял глаза.

— Раньше Европа была другой.

Эта фраза очень быстро стала негласным символом новой эпохи.

Тем временем Лондон тоже внимательно следил за происходящим.

Палмерстон в последние месяцы всё чаще переписывался с Петербургом напрямую.

Причём тон писем менялся.

Меньше недоверия. Больше осторожного прагматизма.

Британцы тоже понимали: если континент начнёт взрываться, лучше иметь Россию союзником, а не противником.

Особенно после того, как стало ясно: Франция снова движется к революции.

На одном из совещаний Палмерстон произнёс фразу, которая позже ещё не раз вспоминалась в дипломатических кругах:

— Если Европа всё равно будет меняться, лучше нам участвовать в этом вместе с русскими, чем однажды

проснуться против них.

А в центре всех этих мощных процессов по-прежнему оставался маленький мальчик, которому недавно исполнилось шесть лет.

Ники рос.

И вместе с этим росла тревога взрослых вокруг него.

Теперь даже Александр начал замечать: сын знает слишком многое.

Однажды вечером в кабинете обсуждали железные дороги.

Министры спорили:

дорого, сложно, России некуда спешить.

Ники тихо сидел в углу с книгой.

Потом вдруг произнёс:

— Кто быстрее построит железные дороги — тот потом выигрывает большие войны.

В комнате повисло молчание.

Один генерал раздражённо усмехнулся:

— И какие же это войны, ваше высочество?

Мальчик поднял глаза.

— Такие, после которых Европа уже не будет прежней.

Даже Николай Первый почувствовал неприятный холод.

Потому что в голосе ребёнка снова прозвучало не предположение.

Воспоминание.

Позже вечером император остался с внуком наедине.

— Ты всё чаще говоришь о войнах.

Ники тихо ответил:

— Потому что люди почти всегда не успевают остановить-ся вовремя.

Николай долго смотрел на мальчика.

— А мы успеем?

Очень долгий взгляд.

— Если начнём менять Россию раньше, чем Европа начнёт рушиться окончательно.

Император медленно сел.

— Что менять первым?

И тут Ники впервые начал говорить уже почти предметно.

— Дороги. Фабрики. Школы. Армию. Законы.

Он говорил спокойно, будто давно всё обдумал.

— И главное — не бояться будущего больше, чем прошлого.

Николай Первый слушал молча.

Очень внимательно.

А потом неожиданно спросил:

— А Англия?

Ники чуть задумался.

— Пока с нами Виктория — у нас есть шанс стать союзниками по-настоящему.

— А потом?

Мальчик опустил глаза.

— Потом всё будет зависеть от того, станет ли Россия

сильной современной страной. Или останется красивой старой империей.

Эти слова ударили особенно сильно.

Потому что старый государь вдруг понял: его внук боится не врагов России.

А её неподвижности.

Тем временем Европа уже начинала закипать.

И где-то далеко в Вене, Париже, Берлине, Будапеште — будущая буря медленно поднимала голову.

Поздней осенью 1847 года в Петербург прибыл специальный британский посланник.

Официально — для обсуждения торговых вопросов.

Неофициально — Лондон хотел понять, что происходит с Россией.

Потому что в последние месяцы поведение Николай I изменилось слишком заметно.

Россия: перестала безоговорочно поддерживать Австрию; смягчила тон по отношению к Британии; всё активнее говорила о модернизации армии и промышленности; и начала осторожно интересоваться положением Османской империи.

Для Европы это выглядело тревожно.

Для Лондона — интригующе.

Во время одного из ужинов в Зимнем дворце британский посланник внимательно наблюдал за семьёй наследника.

Особенно за старшим мальчиком.

О Ники уже начинали шептаться.

Очень осторожно.

Пока только внутри двора.

«Необычный ребёнок».

«Слишком умный».

«Говорит как взрослый».

И слухи постепенно росли.

Во время ужина разговор неожиданно зашёл о Соединённых Штатах.

Один из британцев раздражённо заметил:

— Американцы становятся слишком самоуверенными.

И тут Ники вдруг спокойно произнёс:

— Они ещё не понимают, что скоро начнут убивать друг друга.

За столом стало тихо.

Посланник усмехнулся:

— Вы про очередные выборы, ваше высочество?

Мальчик покачал головой.

— Нет. Про большую войну.

Теперь даже Николай Первый внимательно посмотрел на внука.

Британец попытался перевести всё в шутку:

— И кто же победит?

Ники неожиданно ответил почти сразу:

— Никто. После таких войн не побеждают.

Эти слова запомнили все.

Позже вечером посланник осторожно заметил Нессельроде:

— У наследника вашей династии необычный сын.

Канцлер сухо ответил:

— В России необычные дети иногда становятся необычными государями.

Тем временем сам Ники всё сильнее ощущал: история уходит в сторону.

Это проявлялось уже в мелочах.

Некоторые события происходили раньше. Некоторые — иначе.

Франция бурлила сильнее, чем должна была. Англия была ближе к России, чем в его памяти. Австрия выглядела слабее.

Иногда это даже пугало его.

Потому что он постепенно терял главное преимущество — уверенность в будущем.

Однажды ночью он снова не спал.

Сидел у окна, глядя на заснеженный Петербург.

В комнату тихо вошёл Александр.

Александр уже давно научился замечать: сын слишком часто просыпается по ночам.

— Ники... что тебя мучает?

Мальчик долго молчал.

Потом неожиданно спросил:

— Папа... а если знаешь, что впереди беда — но не зна-

ешь, как её избежать?

Александр сел рядом.

— Тогда нужно делать всё, что можешь.

Ники медленно опустил глаза.

— А если этого всё равно окажется мало?

Наследник престола долго смотрел на сына.

Потом тихо сказал:

— Ни один человек не может спасти весь мир.

Мальчик едва заметно усмехнулся.

Очень грустно.

— В моё...

Он резко замолчал.

Александр почувствовал, как внутри всё похолодело.

— В твоё что?

Ники медленно поднял глаза.

И впервые отец увидел в них настоящую усталость.

Невозможную для ребёнка.

— Иногда мне кажется, будто я уже пытался.

К началу 1848 года напряжение в Европе стало почти осязаемым.

Даже в Петербурге это чувствовали.

Газеты ещё сохраняли осторожный тон. Дипломаты всё ещё говорили языком приличий. Монархи продолжали обмениваться любезностями.

Но под этой внешней спокойной поверхностью уже началось движение огромных сил.

Николай I понимал это всё яснее.

И всё чаще вспоминал слова внука.

«Старый порядок начинает ломаться».

Теперь эта фраза уже не казалась преувеличением.

В январе пришли новые донесения из Парижа.

Рабочие волнения. Студенческие кружки. Ненависть к правительству. Разговоры о республике.

Во время одного из совещаний Николай неожиданно спросил:

— Если Франция снова станет республикой — что будет делать Англия?

Нессельроде осторожно ответил:

— Вероятно, искать баланс.

Император усмехнулся.

— Англичане всегда ищут баланс. Даже когда мир рушится.

Но потом лицо его снова стало серьёзным.

— А Россия?

На этот вопрос никто не ответил сразу.

Потому что впервые за долгие годы никто точно не понимал, какой будет русская политика.

Позже вечером император снова вызвал к себе внука.

Теперь это уже почти никого не удивляло.

Они сидели у камина.

Как всё чаще бывало в последние месяцы.

Николай Первый долго смотрел на огонь.

Потом неожиданно спросил:

— Ты ведь знаешь, что революции уже начнутся скоро?

Ники медленно кивнул.

— Да.

— Где сначала?

Очень долгая пауза.

— Во Франции.

Император кивнул.

Словно и сам уже ожидал этого ответа.

— А потом?

Мальчик тихо ответил:

— Почти везде.

В комнате стало очень тихо.

— Австрия?

— Да.

— Германия?

— Да.

— Италия?

Ники снова кивнул.

Император тяжело выдохнул.

— Господи...

Потом резко поднял взгляд.

— А Россия?

Мальчик долго молчал.

Очень долго.

— Пока — нет.

Николай внимательно посмотрел на внука.

— Пока?

Ники опустил глаза.

— Россия взорвётся позже. Если не изменится.

Эти слова прозвучали страшнее всего.

Император медленно поднялся.

Прошёлся по кабинету.

— Значит, у нас есть время.

Ники неожиданно ответил сразу:

— Немного.

Николай остановился.

— Что нужно делать первым?

И тут мальчик впервые начал говорить почти как государственный человек.

— Не спасать Австрию. Пусть ослабнет.

Император внимательно слушал.

— Поддерживать славян на Балканах. Строить железные дороги. Менять армию. Осторожно готовить отмену крепостного права.

Он говорил спокойно.

Слишком спокойно для ребёнка.

— И обязательно сохранить союз с Британией.

Николай нахмурился.

— Почему это так важно?

Ники поднял глаза.

— Потому что без Британии Европа всегда объединится

против России.

Император медленно сел обратно.

— А с Британией?

Мальчик очень тихо ответил:

— Тогда они будут бояться объединяться.

Старый государь долго смотрел на внука.

И постепенно начинал понимать страшную вещь: мальчик мыслит уже не как ребёнок.

И даже не как взрослый.

А как человек, привыкший смотреть на мир через судьбы государств.

Тем временем в другом крыле дворца Виктория всё чаще испытывала странное чувство.

Словно семья медленно движется к чему-то огромному и опасному.

Она видела:

как меняется свёкор; как всё серьезнее становится Александр; как вырастет Ники.

И иногда ей казалось, что только младшие дети ещё сохраняют обычную детскую лёгкость.

Однажды вечером маленький Александр возился с деревянной саблей, пытаясь «атаковать» старшего брата.

Лизи смеялась в кресле няни.

А Ники вдруг замер у окна.

Потому что в этот момент память снова ударила резко.

Париж. Баррикады. Февраль. Толпа. Выстрелы.

Он резко побледнел.

Виктория сразу заметила.

— Ники? Что случилось?

Мальчик медленно повернулся.

И очень тихо произнёс:

— Началось.

Слова мальчика прозвучали настолько спокойно, что сначала никто даже не понял их смысла.

Виктория подошла ближе.

— Что началось?

Ники смотрел куда-то мимо комнаты.

Словно видел не стены Зимнего дворца, а что-то очень далёкое.

— Революция во Франции.

В комнате стало тихо.

Александр невольно нахмурился.

— Ники, откуда ты...

Но договорить не успел.

В этот момент в коридоре послышались быстрые шаги.

Через несколько секунд двери распахнулись.

Адъютант, явно взволнованный, почти с порога произнёс:

— Срочная депеша государю из Парижа!

Николай Первый получил сообщение спустя несколько минут.

В столице Франции начались массовые беспорядки.

Баррикады. Столкновения с войсками. Толпы на улицах.

Ситуация быстро выходила из-под контроля.

Император медленно опустил бумагу.

В кабинете присутствовали:

Нессельроде; Орлов; наследник Александр.

И все заметили: государь впервые за долгое время выглядит не удивлённым.

А мрачным.

Николай тихо произнёс:

— Значит... всё-таки началось.

Нессельроде осторожно спросил:

— Ваше величество?

Император очень медленно поднял глаза.

— Европа входит в бурю, господа.

А затем неожиданно добавил:

— И Австрию мы спасти не будем.

Тишина стала почти оглушительной.

Орлов резко поднял голову.

Нессельроде побледнел.

Даже Александр несколько секунд молчал.

Потому что эти слова ломали всю прежнюю русскую политику.

Всю систему, созданную после Наполеона.

Канцлер осторожно произнёс:

— Государь... это изменит весь европейский порядок.

Николай холодно ответил:

— Он и так уже рушится.

А потом подошёл к карте Европы.

Долго смотрел на Австрию.

— Я больше не собираюсь проливать русскую кровь, спасая чужую дряхлую империю.

Эти слова стали настоящим рубежом.

Даже сам император это понимал.

Позже ночью он вновь приказал привести к нему внука.

Когда Ники вошёл, на столе уже лежали новые депеши.

Париж пылал.

Николай Первый долго смотрел на мальчика.

Потом тихо сказал:

— Ты оказался прав.

Ники ничего не ответил.

Только опустил глаза.

Потому что внутри него было не торжество.

А страх.

Он слишком хорошо помнил: это только начало.

Император медленно сел.

— Что дальше?

Очень долгий детский взгляд.

— Вена. Берлин. Будапешт. Милан.

Он говорил тихо.

Почти устало.

— Всё начнёт рушиться одновременно.

Николай молчал.

Потом неожиданно спросил:

— А если мы вмешаемся?

Ники поднял глаза.

— Тогда Россия потратит силы, спасая тех, кто потом всё равно будет её ненавидеть.

Император медленно закрыл лицо рукой.

Потому что именно это произошло в той истории, которую мальчик помнил.

Через некоторое время государь тихо произнёс:

— Значит, на этот раз всё будет иначе.

А тем временем в Европе уже поднималась волна, которая вскоре должна была смести старый порядок.

В Париже падала монархия. В Вене дрожал Меттерних. В германских государствах начинались выступления студентов и рабочих.

И пока европейские дворы ещё надеялись, что всё удастся удержать, в Петербурге старый русский император уже принимал решение, которое изменит весь XIX век.

Россия останется в стороне.

И именно поэтому Европа вскоре начнёт распадаться иначе, чем прежде.

Весть о падении французской монархии потрясла Европу.

Но ещё сильнее европейские дворы потрясла реакция России.

От Петербурга ждали привычного:

угроз, мобилизации, заявлений о защите порядка, готовности двинуть армии.

Вместо этого Николай I ограничился холодным дипломатическим заявлением.

Россия осуждала революционный мятеж.

Но не собиралась немедленно вмешиваться.

В Вене сначала просто не поверили.

Меттерних отправил в Петербург сразу несколько срочных посланий.

Почти умоляющих.

«Европейский порядок находится под угрозой».

«Австрийская монархия рассчитывает на верность России прежним обязательствам».

«Только совместные действия могут остановить хаос».

Николай прочитал письма молча.

И впервые за многие годы отложил их без ответа почти на сутки.

Нессельроде не скрывал тревоги.

— Ваше величество, Австрия в отчаянии.

Император холодно посмотрел на канцлера.

— Австрия десятилетиями считала, что Россия обязана спасти её от последствий собственной глупости.

Канцлер осторожно заметил:

— Но падение Австрии может разрушить равновесие Европы.

Николай медленно подошёл к окну.

— Оно уже разрушено.

А затем неожиданно добавил:

— Возможно, Европе давно пора стать другой.

Тем временем в Лондоне новости из Петербурга вызвали почти шок.

Палмерстон несколько раз перечитывал русские депеши.

И всё больше понимал: Россия меняет курс.

По-настоящему.

На одном из закрытых совещаний он тихо произнёс:

— Если Николай действительно не двинет армию в Европу — это конец системы Венского конгресса.

Один из министров тревожно спросил:

— И что тогда будет?

Палмерстон мрачно усмехнулся.

— Тогда начнётся настоящая борьба за будущее континента.

Но при этом в Лондоне понимали и другое:

если Россия не вмешивается — она освобождает колоссальные силы для собственных интересов.

Балканы. Проливы. Османская империя. Средняя Азия.

И британцев это уже начинало настораживать.

А в Петербурге тем временем происходило событие, которое никто из министров не ожидал.

Император неожиданно приказал начать подготовку большого доклада:

о состоянии крепостного права; о промышленности; о железных дорогах; о реформе армии.

Некоторые сановники были потрясены.

Один старый генерал даже пробормотал:

— Европа горит, а мы собираемся перестраивать Россию?

На что Николай ответил неожиданно жёстко:

— Именно потому, что Европа горит.

Но самым удивительным оставалось другое.

Теперь государь всё чаще советовался с внуком.

Неофициально. Только наедине.

И никому об этом не рассказывал.

Однажды поздним вечером он разложил перед Ники карту Османской империи.

— Ты говорил о проливах.

Мальчик внимательно посмотрел на Босфор.

— Без них Россия всегда будет заперта.

Император кивнул.

— А Англия?

Ники долго молчал.

— Если действовать грубо — она станет врагом.

— А если осторожно?

Мальчик поднял глаза.

— Тогда можно договориться.

Николай внимательно смотрел на него.

— Чем заинтересовать Британию?

И тут Ники впервые сказал вещь, которая поразила даже старого императора.

— Америкой.

Николай нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Мальчик медленно подошёл к карте мира.

И указал на Соединённые Штаты.

— Они слишком быстро растут. Слишком богатеют. И однажды станут опасны для всех.

Император молчал.

— Британия боится сильных морских держав. Особенно торговых.

Ники кивнул.

— А Россия может помочь сделать так, чтобы США были заняты собой.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

Потому что это уже были рассуждения не ребёнка.

И даже не политика XIX века.

А человека, мыслящего столетиями вперёд.

Наконец Николай тихо спросил:

— В твоём времени Америка стала очень сильной?

Ники посмотрел на карту.

И очень тихо ответил:

— Сильнее всех.

Весной 1848 года Европа действительно начала рушиться.

Так, как и предсказывал Ники.

В Вене вспыхнули беспорядки.

Толпы требовали:

конституции, свобод, отставки Меттерниха.

И вскоре произошло немыслимое.

Клемент фон Меттерних бежал.

Человек, десятилетиями считавшийся символом старого европейского порядка, покидал столицу собственной империи почти тайно.

Когда донесение об этом принесли Николаю I, он долго смотрел на бумагу молча.

Потом медленно произнёс:

— Вот и всё.

Нессельроде осторожно спросил:

— Ваше величество?

Император тяжело опустился в кресло.

— Закончилась эпоха, Карл Васильевич.

Впервые в жизни Николай Первый говорил это без раздражения.

Без ярости.

Почти с усталостью.

Тем временем Австрийская империя начинала расплываться прямо на глазах.

Венгрия требовала автономии. Италия восстала. Чехи шумели в Праге. Хорваты спорили с венграми. В самой Вене паниковал двор.

И теперь уже Австрия почти открыто просила Россию о помощи.

Но Петербург медлил.

Сознательно.

Во время одного из совещаний Орлов осторожно заметил:

— Австрийцы не понимают, почему мы не двигаем войска.

Николай холодно ответил:

— Потому что впервые за полвека Россия занимается Россией.

Эти слова быстро разошлись среди высших сановников.

И многих испугали.

Потому что старый николаевский порядок действительно менялся.

Вместо подготовки европейского похода император:

ускорял строительство железных дорог; расширял военные заводы; требовал доклады по промышленности; обсуждал крестьянский вопрос; и всё чаще говорил о модернизации армии.

Некоторые генералы были недовольны.

Особенно старые.

Один из них однажды резко заявил:

— Русская армия должна стоять в Париже, а не считать рельсы.

Император посмотрел на него так, что в комнате стало холодно.

— Русская армия должна выигрывать будущие войны, а не прошлые.

После совещания Александр догнал отца.

Александр всё яснее понимал: именно Ники стал причиной этих перемен.

Хотя вслух об этом не говорил никто.

— Отец... вы действительно решили не вмешиваться?

Николай долго молчал.

Потом неожиданно сказал:

— Я всю жизнь считал, что спасаю Европу.

Он тяжело посмотрел в окно.

— А теперь начинаю думать, что мы только продлевали её болезни.

Александр внимательно слушал.

— И что будет дальше?

Император усмехнулся.

Тяжело. Почти мрачно.

— Европа наконец начнёт учиться жить без русских штыков.

Тем временем сам Ники всё сильнее чувствовал: история уходит в новую сторону.

В его памяти Россия должна была уже готовиться спасать Австрию.

Должна была втянуться в европейские дела. Должна была постепенно идти к Крыму.

Но теперь всё ломалось иначе.

Иногда это даже вызывало у него тревогу.

Потому что будущее становилось неизвестным уже и для него самого.

Однажды вечером он сказал деду:

— Теперь я уже не уверен, что всё помню правильно.

Император внимательно посмотрел на мальчика.

— Это плохо?

Ники долго думал.

— Нет. Наверное, это хорошо.

— Почему?

Мальчик неожиданно улыбнулся.

Совсем по-детски.

— Потому что значит: мы уже начали менять историю.

Глава 4

Глава четвёртая Большая игра начинается заново
Весна 1848 года изменила Европу быстрее, чем кто-либо
ожидал.

Старый порядок рушился буквально на глазах.

Париж кипел революцией. Вена дрожала от страха. Берлин требовал конституции. Италия горела. Австрия медленно расползалась по швам.

И среди всего этого хаоса две державы неожиданно сохранили спокойствие.

Россия.

И Британия.

В Лондоне Палмерстон всё внимательнее следил за Петербургом.

Русские не двигали армии.

Не спасали Австрию.

Не угрожали Европе.

Вместо этого:

строили железные дороги, усиливали флот, реформировали промышленность, и крайне осторожно, но настойчиво искали более близкий контакт с Британией.

Для опытного британского политика это выглядело необычно.

И опасно.

Но одновременно — заманчиво.

Потому что Палмерстон прекрасно видел: главная угроза будущему британскому влиянию находится уже не в Европе.

А за Атлантикой.

Соединённые Штаты росли слишком быстро.

Слишком уверенно.

И слишком богато.

Однажды вечером в Зимнем дворце Николай I снова беседовал с внуком наедине.

На столе лежали карты:

Европы, Османской империи, Северной Америки.

Император внимательно посмотрел на США.

— Ты уверен, что Англия действительно опасается американцев?

Ники кивнул сразу.

— Пока ещё не до конца понимает. Но уже боится.

— Почему?

Мальчик подошёл ближе к карте.

— Потому что это будущая промышленная и морская держава. Очень богатая. Очень агрессивная в торговле.

Он говорил спокойно, словно вспоминал давно известное.

— И однажды они захотят главенствовать везде.

Император медленно сузил глаза.

— Даже в Европе?

Ники тихо ответил:

— Особенно в Европе.

Николай Первый долго молчал.

Потом неожиданно спросил:

— Значит, Британии нужен противовес?

— Да.

— А нам?

Мальчик посмотрел прямо на деда.

— Нам нужен союзник, который не даст Европе объединиться против России.

Эта мысль всё сильнее нравилась императору.

Потому что он уже понимал: после революций старый европейский баланс не восстановится.

Начиналась новая эпоха.

И в ней России требовалась совсем другая политика.

Через несколько дней в Петербург был приглашён британский специальный представитель.

Официально — для обсуждения торговли и положения в Европе.

Неофициально — для начала совершенно новой игры.

Переговоры проходили в строжайшей тайне.

Даже большинство министров не знали деталей.

Со стороны России:

Нессельроде; Орлов; несколько доверенных дипломатов.

Со стороны Британии — люди Палмерстона.

Первый разговор получился осторожным.

Очень осторожным.

Британцы прямо спросили:

— Россия действительно не намерена спасти Австрию?
Нессельроде дипломатично ответил:

— Россия намерена прежде всего сохранять собственную устойчивость.

А потом неожиданно добавил:

— И искать взаимопонимание с теми, кто мыслит столь же прагматично.

Англичане поняли намёк сразу.

Следующие встречи стали уже гораздо предметнее.

Россия осторожно давала понять:

не собирается угрожать британским морским интересам; готова обсуждать разграничение влияния в Средней Азии; и заинтересована в стабильности торговли.

Британия в ответ всё яснее намекала:

Австрию никто особенно спасти не собирается; Франция после революции вызывает опасения; а чрезмерный рост США нежелателен для Лондона.

Постепенно между двумя империями начинало возникать нечто, что ещё недавно казалось невозможным.

Взаимное понимание.

Тем временем Ники продолжал внимательно следить за новостями.

Теперь он всё чаще чувствовал: история действительно уходит совсем в другую сторону.

В его памяти Британия и Россия должны были идти к Крымской войне.

К ненависти. К столкновению. К огромным потерям.

Но теперь всё менялось.

И однажды вечером он тихо сказал деду:

— Если мы удержим Британию рядом — Крыма не будет.

Император долго смотрел на карту Чёрного моря.

Потом медленно произнёс:

— Значит, мы удержим её рядом.

А далеко на юге, в Константинополе, османские министры ещё даже не подозревали, что две крупнейшие империи мира уже начинают осторожно обсуждать судьбу их владений.

Лето 1848 года стало для Европы временем унижения старых монархий.

И прежде всего — для Австрии.

Вена металась между уступками и репрессиями. Венгрия фактически требовала самостоятельности. Итальянские владения империи горели восстаниями.

Императорский двор отчаянно пытался удержать страну, которая уже начинала разваливаться изнутри.

И с каждым новым кризисом в Петербург уходили всё более тревожные просьбы о помощи.

Но Николай I продолжал отмалчиваться.

Сознательно.

Для Европы это выглядело почти предательством прежнего порядка.

Для России — началом новой эпохи.

Тем временем переговоры с Британией становились всё

серьёзное.

Теперь встречи проходили уже не только через дипломатов.

В игру осторожно вступал сам Палмерстон.

Через доверенных людей он передал в Петербург мысль, которая ещё несколько лет назад показалась бы безумием:

Лондон готов обсуждать долгосрочное соглашение с Россией.

Не союз официально.

Нет.

Британцы слишком боялись любых постоянных обязательств.

Но — раздел сфер влияния. Взаимное невмешательство. И координацию против общих угроз.

Когда Нессельроде доложил об этом государю, в кабинете воцарилась долгая тишина.

Наконец император медленно произнёс:

— Значит, англичане действительно начали бояться будущего.

А затем неожиданно приказал:

— Подготовить для Лондона проект принципов.

Нессельроде был поражён.

— Ваше величество... каких именно принципов?

Николай подошёл к огромной карте мира.

— Европа. Проливы. Средняя Азия. Америка.

Он говорил медленно.

— И главное — отсутствие прямого столкновения между нашими империями.

Канцлер внимательно смотрел на государя.

И постепенно понимал: Россия впервые за столетия начинает мыслить глобально.

Не только европейски.

Позже вечером Николай Первый вновь вызвал к себе Ники.

На этот раз на столе лежала уже карта мира.

Не Европы.

Именно мира.

Император указал на Северную Америку.

— Ты действительно считаешь, что Соединённые Штаты станут настолько опасны?

Ники подошёл ближе.

— Очень быстро.

— Быстрее Британии?

Мальчик тихо ответил:

— Однажды — да.

Император долго молчал.

— Тогда англичане должны это понять.

Ники кивнул.

— Они поймут. Но поздно. Если не подтолкнуть их раньше.

Николай внимательно посмотрел на внука.

— И как подтолкнуть?

Мальчик ненадолго задумался.

— Показать, что сильная Россия выгоднее для Британии, чем сильная Америка или хаотическая Европа.

Старый император медленно усмехнулся.

— Ты предлагаешь англичанам союз страха.

Ники неожиданно покачал головой.

— Нет. Союз расчёта.

Эта фраза понравилась Николаю особенно.

Потому что именно расчёта всегда не хватало европейской политике, жившей:

обидами, амбициями, династическими привычками.

Тем временем в Лондоне Палмерстон тоже начинал всё больше склоняться к необычному выводу:

Россия меняется.

И этим можно воспользоваться.

Во время одного из закрытых совещаний он прямо сказал:

— Если Николай действительно откажется от роли европейского жандарма — континент надолго погрузится в хаос.

Один из министров тревожно заметил:

— И это усилит Россию.

Палмерстон задумчиво ответил:

— Возможно. Но ещё сильнее это ослабит всех остальных.

А потом очень тихо добавил:

— И даст нам время заняться Америкой.

Постепенно между Лондоном и Петербургом начинала

формироваться новая, неофициальная ось.

Пока ещё осторожная.

Пока ещё скрытая.

Но уже способная изменить весь XIX век.

И только Ники иногда смотрел на всё это с тревогой.

Потому что понимал: они начинают игру невероятного масштаба.

Игру, в которой:

можно было сделать Россию величайшей державой мира; а

можно —

сломать историю ещё страшнее, чем прежде.

Осенью 1848 года Европа окончательно потеряла равновесие.

Венгрия уже почти открыто говорила о независимости. В Италии австрийские гарнизоны с трудом удерживали города. Пруссия металась между уступками либералам и страхом перед революцией. Во Франции республика становилась всё радикальнее.

И среди всего этого хаоса только Россия оставалась островом порядка.

Но теперь это был уже другой порядок.

Николай I всё чаще говорил министрам вещи, от которых старые сановники чувствовали тревогу.

— Мир изменился.

Или:

— Нельзя вечно управлять XIX веком методами XVIII.

От государя, которого вся Европа считала символом неподвижности, такие слова звучали почти невероятно.

Тем временем в Лондоне начали понимать: Россия не просто переживает революции.

Она готовится к будущему.

Палмерстон особенно внимательно следил за русскими железными дорогами, реформами армии и промышленными проектами.

Однажды он даже раздражённо заметил:

— Если русские действительно начнут модернизацию раньше остальных — через двадцать лет мы получим совсем другую империю.

Но при этом Британия всё сильнее нуждалась в России.

Франция оставалась нестабильной. Австрия слабела. Пруссия могла попытаться объединить Германию - а это угроза Британии. А США росли угрожающе быстро.

В этих условиях соглашение с Петербургом становилось всё более привлекательным.

И потому в конце осени в Россию прибыл уже не просто посланник.

А личный доверенный представитель Палмерстона.

Переговоры проходили ночью, в строжайшей секретности.

На одном из совещаний британец прямо спросил:

— Чего именно хочет Россия?

Нессельроде спокойно ответил:

— Безопасности. Торговли. И отсутствия большой европейской коалиции против нас.

— А Константинополь?

В комнате повисла тишина.

Русские дипломаты переглянулись.

Наконец Нессельроде очень осторожно произнёс:

— Россия заинтересована в свободном проходе через проливы. И в стабильности на Балканах.

Британец едва заметно усмехнулся.

— Очень дипломатичная формулировка.

Но самое важное произошло позже, когда в разговор неожиданно вмешался сам император.

Николай Первый вошёл без предупреждения.

Тяжёлый, высокий, уже заметно поседевший.

И сразу сказал:

— Россия не заинтересована в уничтожении Британской империи.

Англичанин внимательно посмотрел на него.

— Это приятно слышать.

Император холодно продолжил:

— Но и Россия больше не позволит превращать Чёрное море в ловушку для себя.

Несколько секунд стояла тишина.

А потом британец неожиданно ответил:

— Возможно, эту проблему можно решить без войны.

Вот тогда Николай понял: Лондон действительно готов договариваться.

По-настоящему.

Позднее ночью он снова говорил с Ники.

— Они начинают соглашаться.

Мальчик кивнул.

— Потому что Британия всегда выбирает выгоду.

— А Россия?

Ники неожиданно грустно усмехнулся.

— Россия слишком часто выбирала гордость.

Император внимательно посмотрел на внука.

— А сейчас?

Мальчик медленно подошёл к карте Европы.

— Сейчас нам нужно выбирать будущее.

Он указал на Австрию.

— Она всё равно развалится. Рано или поздно.

Потом — на германские государства.

— Нельзя позволить Пруссии объединить всю Германию.

Николай прищурился.

— Почему?

Ники тихо ответил:

— Потому что тогда в центре Европы появится слишком сильная военная империя.

Император долго смотрел на карту.

И впервые начал задумываться уже не о сохранении Европы.

А о том, как её переделать в интересах России.

А далеко за океаном, в Вашингтоне, американские политики пока ещё даже не подозревали, что в Петербурге и Лондоне уже начинают обсуждать будущее мира, в котором Соединённым Штатам не собираются позволять стать единственной великой державой.

Зима 1848 года выдалась тяжёлой.

Не только для Европы.

Для всей старой системы мира.

Австрийская империя фактически держалась на страхе и привычке. Франция после революции становилась всё более нестабильной. Пруссия осторожно пыталась воспользоваться хаосом в германских землях. Италия кипела.

И на фоне этого Петербург и Лондон всё чаще начинали смотреть друг на друга не как на противников, а как на две единственные по-настоящему устойчивые силы.

Разумеется, ни о каком открытом союзе речи пока не шло.

Ни Британия, ни Россия не доверяли друг другу настолько.

Но между ними постепенно рождалось другое.

Понимание взаимной выгоды.

Во время очередного тайного совещания британский представитель осторожно произнёс:

— Лорд Палмерстон полагает, что чрезмерное усиление одной державы на континенте недопустимо.

Нессельроде спокойно ответил:

— В этом наши взгляды совпадают.

— Даже в отношении Пруссии?

Русский канцлер едва заметно улыбнулся.

— Особенно в отношении Пруссии.

Британцы переглянулись.

Потому что это означало очень многое.

Россия фактически давала понять: она не допустит объединения Германии под властью Берлина.

И Лондону это нравилось.

Очень нравилось.

Позже вечером Николай Первый обсуждал этот вопрос с внуком.

Николай I стоял у карты германских государств.

— Если Австрия ослабнет, Пруссия попытается собрать Германию.

Ники кивнул.

— Да. И это будет очень опасно.

— Настолько?

Мальчик подошёл ближе.

— В моём времени Германия стала машиной войны.

Император внимательно посмотрел на него.

— И что нужно сделать?

Ники спокойно ответил:

— Не дать никому объединить германские земли полностью.

Он указал на:

Баварию; Саксонию; Ганновер; Рейнские государства.

— Германия должна оставаться раздробленной. Тогда Европа сохранит равновесие.

Николай медленно кивнул.

— А Австрия?

Очень долгая пауза.

— Её придётся разобрать осторожно.

Эти слова прозвучали почти жутко.

Но император не рассердился.

Потому что уже сам понимал: старая Австрийская империя обречена.

— Венгрия? Италия? Славяне?

Ники медленно ответил:

— Венгры получают своё государство. Италию лучше не удерживать. А славян — поддерживать. Особенно сербов и болгар.

Император долго смотрел на Балканы.

— Значит, дорога к проливам.

Мальчик тихо кивнул.

В этот момент Николай Первый впервые по-настоящему почувствовал масштаб будущего, которое открывается перед Россией.

Если всё сделать правильно:

не будет Крымской войны; Австрия ослабнет; Германия останется раздробленной; Британия станет партнёром; Османская империя потеряет Европу; Россия получит влия-

ние на Балканах и проливы.

Это была уже не просто дипломатия.

Это было полное переустройство мира.

Но вместе с этим приходило и понимание опасности.

Потому что ошибка в такой игре могла уничтожить уже саму Россию.

Тем временем Ники всё чаще ощущал странную двойственность.

С одной стороны — он видел, как история меняется в лучшую сторону.

С другой — будущее впереди становилось всё менее ясным.

Иногда воспоминания будто рассыпались.

Некоторые события исчезали совсем.

Некоторые — становились другими.

Однажды ночью он признался деду:

— Я уже не уверен, что знаю, что будет через двадцать лет.

Император внимательно посмотрел на мальчика.

— И это тебя пугает?

Ники тихо ответил:

— Да.

— Почему?

Очень взрослый взгляд.

— Потому что теперь ошибки будут уже нашими. А не чужими из прошлого.

Николай долго молчал.

Потом неожиданно усмехнулся.

Тяжело. Но с каким-то новым спокойствием.

— Ну наконец-то ты начал говорить как настоящий русский государь.

Начало 1849 года Европа встретила в состоянии странного равновесия.

Революции ещё не были подавлены окончательно. Но и победить полностью уже не могли.

Континент устал.

И именно в этот момент Россия начала действовать.

Не армиями.

Политикой.

Николай I сознательно выбрал новую стратегию.

Пусть Европа истощает себя сама.

А Россия — укрепляется.

Впервые за многие десятилетия Петербург:

не тратил силы на спасение чужих монархий; не бросал армии через полконтинента; не пытался быть «жандармом Европы».

Вместо этого империя занималась собой.

И результаты начали появляться быстрее, чем ожидали даже в Петербурге.

Строительство железных дорог ускорилося. Военные заводы расширялись. Флот на Чёрном море получал новые выполненные заказы. Начались осторожные обсуждения ограниченной крестьянской реформы.

Старые сановники ворчали.

Но государь теперь слушал их гораздо меньше.

Однажды один пожилой генерал раздражённо заметил:

— Европа уважает только силу.

Николай холодно ответил:

— Сила — это не только марширующие полки.

А потом добавил фразу, которую при дворе потом долго повторяли шёпотом:

— Проигрывают не те, у кого мало храбрости. Проигрывают те, кто опаздывает в новое время.

Тем временем переговоры с Британией выходили на новый уровень.

Палмерстон через доверенных лиц предложил уже почти прямую схему раздела интересов.

Очень осторожную. Без официальных союзов. Без громких договоров.

Но предельно понятную.

Британия:

не мешает России усиливаться на Балканах; признаёт особые интересы Петербурга в проливах; и постепенно ограничивает поддержку Османской империи.

Россия:

не угрожает британским морским путям; не лезет в Индию; помогает сохранять раздробленность Германии; и косвенно поддерживает ослабление США.

Когда Нессельроде читал проект государю, в кабинете стояла тяжёлая тишина.

Наконец Николай Первый медленно произнёс:

— Полвека назад за подобные предложения Европа назвала бы Англию предательницей.

Нессельроде осторожно заметил:

— А сейчас?

Император усмехнулся.

— А сейчас все слишком боятся будущего.

Позже вечером он вновь говорил с Ники.

На столе лежали карты:

Балкан; Германии; Северной Америки.

Император указал на США.

— Ты уверен, что Британия действительно поможет ослабить их?

Ники медленно кивнул.

— Если поймёт, что иначе однажды потеряет мировое лидерство.

— И как это сделать?

Мальчик ненадолго задумался.

— Север и Юг уже ненавидят друг друга. Нужно просто не дать им договориться.

Император внимательно посмотрел на внука.

— Это приведёт к большой войне.

Ники очень тихо ответил:

— Она всё равно будет.

В комнате стало холодно.

— И много людей погибнет?

Мальчик опустил глаза.

— Очень.

Николай долго молчал.

Потом тяжело произнёс:

— Иногда мне кажется, что будущее, которое ты помнишь, слишком жестоко.

Ники неожиданно поднял взгляд.

И ответил фразой, от которой у старого императора по спине прошёл холод:

— Нет.

Очень долгая пауза.

— Оно было ещё мягким вариантом.

Поздно ночью Николай I остался в кабинете один.

Без министров. Без адъютантов. Без бесконечных докладов.

Только он, тихо потрескивающий камин и огромная карта мира на стене.

Старый император долго смотрел на неё молча.

Европа.

Когда-то такая понятная.

Такая привычная.

Империи, династии, границы, договоры.

Всё это казалось вечным.

А теперь старый порядок рассыпался прямо у него на глазах.

И самое невероятное — Россия впервые не пыталась удержать его.

Николай медленно подошёл к окну.

Над Петербургом кружил снег.

Империя спала, ещё не понимая, что вступает в совершенно новую эпоху.

Позади тихо скрипнула дверь.

Император даже не обернулся.

Он уже знал, кто вошёл.

Ники остановился рядом.

Некоторое время они молча смотрели на ночной город.

Наконец государь тихо произнёс:

— Ты понимаешь, что мы сейчас делаем?

Мальчик долго не отвечал.

Потом очень спокойно сказал:

— Меняем мир раньше, чем мир ломает нас.

Николай тяжело усмехнулся.

— Страшные слова для шестилетнего ребёнка.

Ники опустил глаза.

— Я иногда сам забываю, что мне шесть лет.

Император посмотрел на внука.

И вдруг впервые за долгое время увидел не загадочного человека из будущего.

Не носителя страшной памяти.

А маленького мальчика, который вынужден жить сразу двумя жизнями.

И старому государю неожиданно стало его жаль.

По-настоящему.

Николай медленно положил руку на плечо внука.

— Ничего.

Очень тихо.

— Теперь ты не один.

Ники поднял глаза.

И впервые за многие месяцы в них мелькнуло что-то почти детское.

Почти спокойное.

А за окнами Зимнего дворца продолжал падать снег.

Над Россией. Над Европой. Над миром, который уже начинал становиться другим.

И далеко впереди, сквозь туман ещё не случившейся истории, медленно поднимался новый век.

Век, который теперь должен был родиться совсем иначе.

Глава 5

Глава пятая Груп империи

Весной 1849 года стало окончательно ясно: Австрийская империя умирает.

Пока ещё стоя. Пока ещё сохраняя армию, двор, титулы, гербы.

Но внутри она уже разваливалась.

Из Вены в Петербург приходили почти отчаянные письма.

Просьбы. Требования. Напоминания о «священном союзе монархов».

Но Николай I больше не собирался спасти Габсбургов любой ценой.

Теперь он смотрел на Австрию иначе.

Как на проблему.

И одновременно — как на возможность.

Особенно после того, как начали приходиться совсем другие письма.

Не из Вены.

Из Будапешта.

Венгерские лидеры, понимая, что Россия не вмешивается, решили попытаться договориться напрямую.

Когда Нессельроде впервые доложил об этом государю, в кабинете наступила долгая тишина.

— Венгры просят переговоров?

Канцлер осторожно кивнул.

— Они готовы гарантировать:

отсутствие поддержки польских организаций, враждебных России; торговые льготы; и дружественный нейтралитет к России.

Император медленно сузил глаза.

— Интересно...

Ещё год назад подобное было невозможно представить.

Россия и венгерские революционеры по определению должны были стать врагами.

Но история уже менялась.

Позже вечером Николай обсуждал это с Ники.

На столе лежала карта Австрийской империи, вся испещрённая пометками:

Венгрия; Хорватия; Чехия; Ломбардия; Венеция.

Император медленно произнёс:

— Значит, Австрию действительно можно разобрать.

Ники спокойно ответил:

— Её всё равно разберут. Вопрос только — кто получит выгоду.

Николай внимательно посмотрел на внука.

— И что выгодно России?

Мальчик подошёл к карте Балкан.

— Не дать появиться сильной Центральной Европе. Поддерживать славян. Ослабить Вену. И постепенно выходить к проливам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.